

Все указанные критерии и принципы Тредиаковского были им применены в его критической практике, в частности в центральной его критической работе, в статье о Сумарокове. И здесь он исходит в оценке разбираемых произведений из представления о незыблемых правилах, обязательных для всякого поэта, а стало быть, и для Сумарокова. Он пишет о его пьесе «Тресотиниус»: «Комедия сия недостойна имени комедии и всеконечно неправильная, да и вся противна регулам театра». Он и здесь стремится к нормализации, к введению практики литературной речи в строгие рамки нормы, общего употребления, принимаемого как закон. Например у Сумарокова в стихе «любви»: «...не знаю... по-каковски: мы прочие все склоняем сие имя следующим образом: любовь, любви, а не любви и т. д. во всех косвенных падежах, кроме винительного и звательного»; или: «Глагол владаю, который в шестом стихе есть развращенный; искусные в языке говорят владею, а на -аю произносят и пишут сей: обладаю, а не владаю» и т. п. Именно настаивая на создании и укреплении нормы языка, противостоящей стихии речевого произвола, Тредиаковский протестует против введения в поэтическую речь диалектных форм, элементов просторечия и народных говоров, пестрящих единую книжную языковую характеристику литературной нормы. Он возмущается Сумароковым: «В последнем стихе положено „к престолу божьему“ за „к престолу божиему“ по самой большой и по площадной вольности. Что больше? у автора и сельское употребление есть правильное и красное: его жерновы, по присловию, толь добры, что все мелют». Или еще о трагической и эпистолярной речи Сумарокова: «Какую я в ней вижу неравность? Вижу совокупно высоту и низкость, светлость и темноту... малое нечто приличное, а премногое непристойное; вижу точный хаос: все ж то не основано у него на грамматике и на сочинении наших исправных книг, но на площадном употреблении».

Все свои конкретные критические суждения Тредиаковский считает бесспорными научными положениями, логически выведенными из сличения данного произведения с нормой. Он убежден в точной доказательности эстетических оценок, в полной объективности понятий художественного достоинства и художественных недостатков. «Сия есть точная и непреборимая правда», — утверждает он относительно своего суждения о том, что его, Тредиаковского, произведения художественно выше сумароковских, и он старается именно доказать несовершенство стихов Сумарокова, доказать логически, научно, рационально.

Основные обвинения, предъявленные Тредиаковским Сумарокову, идут по двум линиям: либо это указания на языковые «погрешности», на нарушение норм русского и церковнославянского языков; либо это отрицание принципов семантики ранних произведений Сумарокова, отрицание, исходящее из рационали-